

АРХЕОЛОГИЯ

РАСКОПКИ В ЦИТАДЕЛИ ДЕРБЕНТА В 2011 г.

(Работы проведены при финансовой поддержке РГНФ,

проект 11-01-18077 «Археологические раскопки в зоне Дербента»)

М.С. Гаджиев

Институт ИИАЭ ДЦН РАН, Махачкала

(murgadj@rambler.ru)

Аннотация: В сезоне 2011 г. Дербентская археологическая экспедиция завершила исследования в цитадели Дербента Нарын-кала на раскопе XXIII нижележащих культурных напластований и архитектурных остатков. В культурный слой впущено большое количество средневековых хозяйственных ям, содержавших материал XI–XVIII вв. Слои IX–XIII вв. подстилали остатки прослеженной на значительной части раскопа оборонительной стены, сложенной из глинобита и сырцовых кирпичей (40–42×40–42×10–12 см) на каменном основании. Остатки этой стены ранее были выявлены с внутренней стороны восточной и южной стен цитадели VI в. Эта оборонительная стена была сооружена, судя по данным ее стратиграфического положения, сопутствующего материала и при корреляции со сведениями письменных источников, в правление шаханшаха Йездигерда в 440-х гг. Каменная фортификация цитадели Дербента, возведенная в 568–570 гг. в правление шаханшаха Хосрова I Ануширвана, повторила очертания цитадели V в, сохранив преемственность в ее планировке. Ниже выявленной оборонительной сырцово-каменной стены цитадели V века на некоторых участках вскрыт слой первых веков н.э., покоящийся на материковом грунте.

Annotation: In 2011 season the Derbent Archaeological expedition has finished researches in Naryn-kala citadel of Derbent (object No XXIII of underlying cultural layers and architectural remains). A large number of the medieval agricultural holes containing a material of XI–XVIII centuries had been excavated in the occupation layer. The layer of IX–XIII centuries was spread by the remains tracked on considerable part of an excavation of the defensive wall made from clay and raw bricks (40–42×40–42×10–12 cm) on the stone basis. The remains of this wall were revealed earlier from the inner side of eastern and southern walls of a citadel of VI century. This defensive wall was built, according to data of its stratigraphical situation, accompanying material and at correlation with data of written sources, in government of shahinshah Yazdigerd in the 440th. Stone fortification of the Derbent citadel, erected in 568–57 in government of shahinshah Hosrov I Anushirvan, repeated outlines of a citadel of V century, having kept continuity in its planning. Below the revealed defensive raw brick-stone wall of a citadel of V century in some sites there was opened a layer of the first centuries AD, based upon continental soil.

Ключевые слова: Дербент, Кавказ, Сасанидский Иран, средневековый город, фортификация, историческая топография.

Keywords: Derbent, Caucasus, Sasanian Iran, Medieval city, fortification, historical topography.

В 2011 г. Дербентская археологическая экспедиция ИИАЭ ДНЦ РАН* [*В работе экспедиции в 2011 г. принимали участие сотрудники отдела археологии ИИАЭ ДНЦ РАН М.С. Гаджиев, ст. лаб.-исследователь А.Л. Будайчиев, художник З.З. Кузеева, аспиранты отдела археологии А.К. Абиев и А.М. Абдуллаев, н.с. ИГИ АН ЧР Р.Х. Мамаев, аспирант ЧГУ М.А. Тангиев, студенты ДГУ] продолжила раскопки на территории Дербента – в цитадели Нарын-кала, на раскопе XXIII. Раскоп был заложен в 2004 г. у юго-западного угла цитадели Нарын-кала, у входа в угловую полуобшарпанную башню и вдоль внутренних граней юго-восточной и юго-западной куртин цитадели. В ходе исследований 2004–2010 гг. на раскопе было выявлено пятнадцать культурных слоев, связанных с функционированием шести строительных комплексов, датируемых в диапазоне X–XIX вв., и с остатками глинобитно-сырцовою на каменном основании оборонительной стены сер. V в. н.э. (Гаджиев М.С., 2005. С. 159–161; 2005а. С. 108–109; 2011. С. 77–100; 2011а. С. 110–129; Гаджиев М.С., Бакушев М.А., Будайчиев А.Л., 2006. С. 155–156; Гаджиев М.С., Гамидов А.К., 2007. С. 114–127; Гаджиев М.С., Гамидов А.К., Будайчиев А.Л., Абиев А.К., 2009. С. 124–134).

В 2004 г. на раскопе было выявлено три помещения и прилегающая к ним вымостка, которые являлись остатками *первого строительного комплекса*, возможно, казарменного или складского характера, относящегося ко второй пол. XIX – нач. XX в. В 2005 г. на раскопе были вскрыты пять помещений, составляющих *второй строительный комплекс*, датированный первой пол. – сер. XIX в. и имевший хозяйственное назначение. В 2006 г. были открыты остатки четырех хозяйственных помещений *третьего строительного комплекса*, относящегося к XVIII – нач. XIX в., остатки стены *четвертого строительного комплекса*, а также три погребения, содержащие захоронения 6 чел. и относящиеся к августу 1831 г. (осада Дербента имамом Гази-Мухаммедом). В 2007 г. были выявлены остатки помещений *четвертого строительного комплекса*, датируемого второй пол. XVII в. и также имевшего хозяйственно-бытовое назначение. В 2008 г. были вскрыты остатки стен бытовых помещений, каменных вымосток, круглого глинобитного очага, двух хозяйственных ям, относящихся к *пятому строительному комплексу*, датированному XVI – первой пол. XVII в. В 2009 г. были исследованы хозяйственные ямы, остатки монументального *шестого строительного комплекса*, датированного предмонгольским – монгольским периодом (X–XIII вв.). В 2010 г. были открыты две стационарных печи, предварительно датированные арабским и сельджукским временем, несколько разновременных средневековых хозяйственных ям, впущенных в культурный слой, а также остатки *седьмого строительного комплекса* (слои 14, 15), представляющего собой руины мощной оборонительной стены, сложенной из сырцового кирпича и глинобита на внушительном каменном основании (Рис. 1, 2) и идентифицированной с оборонительной стеной цитадели, возведенной в 440-х гг. в правление шаханшаха Йездигерда II в связи с гуннской активизацией на Восточном Кавказе.

В сезоне 2011 г. работы на раскопе были продолжены в юго-восточном секторе вдоль юго-восточной куртины (кв. а–1 ... а–6). Северо-западная половина раскопа не вскрывалась. Это было обусловлено тем, что в этой части раскопа в 2009 г. были вскрыты остатки монументального здания (шестой строительный комплекс), сложенного из массивных обработанных плит и который было решено не разбирать с целью вскрытия нижележащих культурных напластований. В 2011 г. работы на раскопе XXIII были завершены.

Работы 2011 г. начались с вскрытия нижней части *слоя 13*, верхняя часть которого вскрывалась в 2010 г. Он представлял собой серый уплотненный грунт с вкраплениями древесного угля, местами имевший темно-серые, зеленовато-серые пятна, тонкие прослойки, линзы и кусочки светло-коричневой глины. Слой был насыщен мелким и средним, реже – крупным бутовым камнем, фрагментами и редкими целыми

экземплярами обожженных кирпичей формата 20–22×20–22×4–5 см, распространяющихся с XI в., и чуть более крупных размеров 23–25×23–25×5–6 см, типичных для IX–XII вв. Характер слоя 13, многочисленные пятна, линзы, тонкие прослойки, а также хронологически смешанный его керамический комплекс указывает на его, в значительной степени, потревоженный характер и наличие перекопов, что было характерно и для вышележащего слоя 12. В керамическом комплексе слоя представлены фрагменты изделий IX–X, XI–XIII, XIV–XVI и XVII–XVIII вв. Потревоженный характер слоя подтвердился и выявленными в нем многочисленными ямами. Вследствие того, что ямы были впущены в слой, у многих из них не были прослежены их устья, и ямы фиксировались на уровне их нижних частей, где концентрировались осадочные органические остатки, что и дало возможность выявить их на фоне слоя 13.

В сезоне 2011 г. этот слой перекопов на вскрывавшейся части был выбран полностью. Ниже слоя 13 в отдельных местах следовал материковый грунт, представлявший собой плотный коричневый суглинок, а в других – не тронутые перекопами и ямами более ранние культурные напластования.

Керамический комплекс слоя 13 представлен обломками кухонной, тарной, неполивной столовой и глазурованной посуды, а также керамикой специального назначения и строительной.

Последняя представлена фрагментами квадратных обожженных кирпичей, формата 20–21×20–21×4–5 см, распространенных с XI в., и чуть более крупных – размерами 23–25×23–25×5–6 см, характерных для IX–XI вв. и реже – еще более крупных, толщиной до 6–7 см (сторона до 30 см), редко встречающихся в слоях сасанидского и арабского времени.

Керамика специального назначения представлена фрагментами средневековых красно- и коричневоглиняных крышек для крупных хозяйственных сосудов-*кюпов* (*хумов*), светильников-*чирагов*, редких обломков сфероконических сосудов, типичных для IX–XII вв., труб водоводов, плоской с бортиками и полуцилиндрической черепицы.

Многочисленная кухонная посуда, характеризующаяся коричневым, серо-коричневым, редко красно-коричневым тестом (обжигом), с примесью песка, толченой ракушки, реже шамота, представлена котлами и горшками. Котлы являются наиболее многочисленным видом кухонной керамики и представляют два типа: котлы закрытого типа или уплощенно-сферической формы, которые являются абсолютно доминирующими количественно, и котлы открытого типа (полусферические, мискообразные). Котлы снабжались, как правило, ручками-держалками различных форм, а также вертикальными ручками. Редкими экземплярами представлены горшки с резко отогнутым или утолщенным, закругленным венчиком. Данные традиционные образцы кухонной посуды бытовали на протяжении всего средневековья.

Тарная керамика представлена крупными толстостенными сосудами типа *хумов* (азерб. *кюп*; меньших размеров – *кюпчи*), предназначенных для хранения сыпучих и жидких пищевых продуктов. Для них характерны сферической, грушевидной, яйцевидной формы тулово и низкие горловины (или без них), относительно широкое устье, утолщенные наружу венчики. Тулово сосудов украшалось валиками с пальцевыми вдавлениями, защипами, а также многорядными врезными волнистыми и прямолинейными поясками. Украшались и горловины и венчики сосудов. Нередко тулово таких сосудов покрывалось сплошной штриховкой гребнем по сырой глине, что несло не столько эстетическую нагрузку, сколько обеспечивало их влагостойкость, закрывая поры в глине. Выделю находку утолщенного, с верхней горизонтальной площадкой венчика крупного тарного сосуда с оттиском на горизонтальной площадке клейма/печатки подпрямоугольной формы (2,5×1,5 см) с рельефным изображением косоугольного креста (Рис. 3, 1).

Столовая неполивная посуда представляет собой наиболее многочисленную группу керамики, характеризующуюся красным и коричневым равномерным и качественным обжигом различных оттенков, незаметными или слабозаметными примесями в тесте. Это, главным образом, различных типов кувшины и немногочисленные миски.

Кувшины представляют основную категорию неполивной столовой керамики. Они многочисленны и весьма разнообразны по форме (узкогорлые, широкогорлые, высокогорлые, со сливным носиком типа *афтаба* и без него, одноручные, двуручные и др.), назначению и размерам – от весьма крупных, водоносных (типа *сехенг*, *долча*) до небольших (типа молочников или кружек). Кувшины имеют, как правило, яйцевидное тулово и вертикальные овального или круглого сечения ручки. Особо выделю находки типичных для домонгольской поры (XI–XII вв.) фрагментов белоглиняных столовых кувшинов и специфических красноглиняных тонкостенных сосудов, покрытых красным ангобом и тщательно залощенных, что придает им близкое сходство с античной краснолаковой керамикой.

Миски количественно значительно уступают кувшинам, что, вероятно, связано с широким использованием в быту поливных чаш и тарелок. Они представлены фрагментами красно- и коричневоглиняных округлобоких крупных мисок типа лоханей или *тагара* (диаметр устья 30–46 см) и более мелких мисок (диаметр устья 11–30 см). Обращает внимание относительно большое количество крупных мисок со стреловидным венчиком, которые появляются в позднеасанидский период и получают распространение в арабское и сельджукское время.

Среди обломков неполивной керамики отметим и единичные находки красноангобированной керамики, характерной для второй четверти – сер. I тыс. н.э., коричневоглиняной с каннелюрованным орнаментом, типичной для этого же времени, а также фрагменты серо- и чернолощеной посуды, характерной для албано-сарматского периода, и обломков керамики, которая может относиться к кругу сасанидской посуды (некоторые миски-*тагара*, фрагменты с белым ангобным покрытием и др.).

Обширную, весьма показательную и разнообразную группу керамической посуды слоя 13 составляет глазурованная керамика. Она представлена чашами, тарелками, блюдами и реже кувшинами с различной поливой, цветовой гаммой, орнаментикой. Не вдаваясь в подробную характеристику имеющихся типов глазурованной керамики, отмечу, что в этом слое также, как и в вышележащем слое 12, представлена поливная керамика, в основном, двух хронологических групп: IX–XII вв. и XV–XVIII вв.

Наиболее распространенными по цвету поливы, технике и характеру орнаментации являются следующие группы поливной посуды, типичные для керамики средневекового Дербента:

- изделия с гравировкой по белому ангобу под зеленой (или зеленой пятнистой) поливой, распространяющейся с IX–X вв. и весьма характерной для предмонгольского времени (Рис. 3, 2–7);

- изделия с зеленой (или светло-зеленой/салатной пятнистой) поливой по белому ангобу, распространяющейся с IX–X вв. и характерной для предмонгольского времени;

- изделия с гравировкой по белому ангобу под желтой поливой, также распространяющейся с IX–X вв. и характерной для предмонгольского времени;

- изделия с зеленой, коричневой, марганцевой росписью по желтой, бесцветной поливе по белому ангобу, появляющиеся в кон. VIII – нач. IX в. и распространенные до сельджукского времени (XI–XII вв.);

- изделия с коричневой поливой, как по белоангобированному, так и непокрытому черепку, относящиеся к средневековому времени;

- изделия с глухой голубой/бирюзовой (кобальтовой) поливой по белому ангобу, иногда с легкой гравировкой, появляющиеся в Дербенте в предмонгольский период (XI–XII вв.) и бытующие до позднего средневековья;

- изделия с белой ангобной росписью под голубой поливой, характерные для тимуридского и позднесредневекового времени; выделю тарелку этой группы с орнаментальным пояском и многолучевой розеткой в центре дна (Рис. 2, 8), найденную в кв. а-4 на отметке –7,25–7,50 м и которая представляет собой часть тарелки, обнаруженной в этом же квадрате в сезоне 2010 г., но на отметке –5,40–5,50 м, что указывает на наличие здесь не фиксируемой в культурном слое ямы; наличие отверстия

на кольцевом поддоне тарелки указывает на то, что она подвешивалась и на ее декоративное использование;

– изделия с черной и темно-синей, как правило, растительной росписью и голубой поливой по белому ангобу, которые характерны для тимуридского и позднесредневекового времени (Рис. 3, 9–14);

– изделия с черной, голубой и реже темно-синей, как правило, растительной росписью под прозрачной, бесцветной поливой по белому ангобу, которые характерны для тимуридского и позднесредневекового времени (Рис. 3, 15–17);

– изделия с гравировкой по белому ангобу и с зеленоватыми растеками, пятнами под желтой поливой, характерные для позднесредневекового времени (XVI–XVIII вв.) (Рис. 3, 19).

В нижней части слоя 13 найдены также несколько фрагментов белокашанных (фаянсовых) чаш иранского производства – с голубой кобальтовой поливой и черной росписью, с голубой росписью на белом фоне, которые появляются в Дербенте в XI–XII вв. и поступали сюда вплоть до нового времени.

Описанный комплекс поливной керамики нижней слоя 13, как и таковой верхней части слоя, сочетает в себе признаки, с одной стороны, керамики домонгольского времени, с другой, тимуридского и позднесредневекового времени, при наличии фрагментов посуды I тыс. н.э. (албано-сарматского, гуннского, сасанидского времени). Учитывая стратиграфическое положение слоя, его характер, сильную потревоженность ямами и перемешанность перекопами, а также датировку вышележащих слоев и верхней части слоя 13, вскрытую нижнюю часть слоя 13 возможно следует датировать в рамках IX–XII вв. Обнаруженные в слое образцы керамики более позднего и более раннего времени связаны с зафиксированными в слое перекопами, впущенными в культурный слой поздними ямами (см. ниже).

Кроме массового керамического материала в слое 13 были найдены и многочисленные (св. 70 экз.) индивидуальные находки. Это фрагменты браслетов из черного и фиолетового стекла (Рис. 4, 1–3); фрагменты венчиков, горлышек, стенок, ручек, донцев стеклянных сосудов (Рис. 4, 4–20; 5, 2–5), главным образом, зеленоватого и голубоватого цветов; голубая пастовая бусина (Рис. 5, 1); керамические шарики (Рис. 5, 8–10) для маслобоек; дисковидные поделки из стенок красноглиняных сосудов (Рис. 5, 11, 12); фрагмент медной пластинки (ок. 2×3 см) с насечками по краю и двумя отверстиями (Рис. 5, 13); железный гвоздь и фрагменты железных ножей (Рис. 5, 14, 15); огранный кусок минерала (горный хрусталь?) (Рис. 5, 16); костяная полированная трубка (Рис. 5, 17); обломок каменного оселка.

В ходе снятия слоя 13 в отдельных местах наблюдались каменные завалы, скопления камней с отдельными целыми и обломками обожженных кирпичей размером 21–22×21–22×4–5 см, 26–27×26–27×5 см. В результате снятия слоя 13 и указанных каменных завалов и скоплений на уровне материка были выявлены нижние части восьми ям различного назначения, впущенных в материковую почву (Рис. 1–3, 7). По стратиграфическому положению и происходящей из их заполнения керамике они относятся к различным периодам. Так, ямы №№ 1, 3, 6 и 7 датируются предмонгольским временем (IX–XII вв.), ямы №№ 2 и 8 относятся к позднесарматскому периоду и до сер. V в., т.е. до строительства оборонительной сырцово-глинобитной стены на каменном основании. Из ямы № 8 помимо фрагментов керамической посуды происходят каменный пест (Рис. 6, 23) и два керамических пряслица – дисковидное (Рис. 6, 14) и усеченно-конической формы (Рис. 6, 15).

Особый интерес представляют рядом расположенные ямы № 4 и № 5, расчищенные под мощным каменным завалом вплотную к юго-западной куртине цитадели сер. VI в. (Рис. 7). Несмотря на то, что керамика (Рис. 8) из каменного завала и заполнения из ям носит разновременный характер, по многочисленным обломкам позднесредневековой глазурованной керамики они могут датироваться временем не ранее XVII–XVIII вв. Обе ямы имели подпрямоугольную форму и близкие параметры: соответственно яма № 4

имела на уровне дна размеры 1,1×1,1 м, а яма № 5 – 1,3×1,2 м (Рис. 7А). В результате расчистки ям было установлено, что они имеют продолжение под оборонительную стену цитадели сер. VI в., где они соединяются и фактически представляют собой подземный проход, ведущий из цитадели за ее пределы. Высота прохода под оборонительной стеной (расстояние от дна ямы до подошвы куртины) у ямы № 4 составляет 0,95 м, а у ямы № 5 – около 1,5 м; ширина их 1,25–1,28 м, длина около 2,6 м, что соответствует ширине (толщине) оборонительной стены на уровне ее подошвы. Проход поворачивает на юго-запад и следует на расстояние ок.3 м вдоль оборонительной стены в сторону угловой башни, где постепенно сужается (Рис. 7Б).

Проход упирается с противоположенной стороны в каменную кладку, устроенную с наружной стороны куртины вдоль наружной грани внешней облицовки данной куртины. Характер этой кладки, небрежно сложенной из бутового и обработанного камня, обломков обожженных кирпичей, без регулярных рядов на известковом растворе и расположенной ниже уровня подошвы оборонительной стены цитадели, указывает на то, что данная стена была сооружена позднее и, по всей видимости, преследовала целью закрыть с наружной стороны цитадели проход под стеной, выводящий за пределы крепости. Но не исключено, что данная стена была сооружена и для усиления обнажившихся фундаментной и цокольной частей оборонительной стены цитадели на данном участке в нач. XIX в. (1813–1814 гг.) при ремонтных работах, проведенных гарнизоном размещенных здесь с 1796 г. российских войск. Об этом свидетельствуют архивные материалы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА РФ, планы Дербента и цитадели, 1812–1815 гг.) и подобные укрепляющие стены с наружной стороны вдоль юго-западной стены цитадели.

Подошва оборонительной стены («потолок прохода») имеет ровную поверхность, значительные участки ее покрыты известковым раствором; там, где он отсутствует, проступают камни нижнего ряда облицовки и забутовки оборонительной стены. Ровная поверхность подошвы стены образована в ходе ее сооружения, когда в горизонтально выровненную, сnivelированную траншею были уложены камни первого ряда будущей стены (наружный и внутренний панцири и камни забутовки стены, залитые известковым раствором). Особо следует отметить, что подошва стены имеет обожженные участки с характерным красно-коричневым оттенком, следами копати, свидетельствующие об использовании прохода, который, очевидно, позднее был замурован с наружной стороны цитадели и засыпан с внутренней стороны цитадели вместе с засыпкой ям № 4 и № 5. Высота оборонительной стены (от подошвы до парапета) на данном участке цитадели составляет 15,4 м.

Важным представляется определить время создания этого подземного прохода, который вел не в крепость, а, наоборот, из цитадели. Учитывая датировку прохода позднесредневековым периодом, точнее XVII–XVIII вв., по представленному в ямах керамическому комплексу, определяющему *terminus ante quem*, необходимо привлечь данные письменных источников этого времени о военно-политических событиях указанного периода, обусловивших необходимость сооружения здесь подземного прохода с военными или иными целями. И исходя из этих сведений, как мне представляется, речь должна идти об осаде цитадели русскими войсками во главе с генерал-поручиком, графом В.А. Зубовым в начале мая 1796 г., когда после неудачных штурмов, здесь, напротив южной угловой башни цитадели была размещена бреш-батарея генерал-майора Бенигсона. 7 мая она начала обстрел цитадели, и уже 9 мая это привело «к разрушению большей части башни» (*Бутков П.Г.* 1869. С. 575; РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1970), что дало возможность для штурма крепости. Можно предполагать, что во время этой осады персидский гарнизон, размещенный в цитадели, и предпринял рытье подземного прохода, возможно, с целью осуществления ночных вылазок и для доставки воды в крепость. Но уже [10 мая](#) на крепостной стене был выкинут белый флаг, а вслед за этим в русский лагерь явился и хан Дербента Ших-Али-хан. Всего русские войска потеряли в ходе осады 107 солдат и 11 офицеров; в качестве трофеев было взято

29 орудий, 5 знамен, 11000 единиц огнестрельного оружия (см.: *Радожницкий И.*, 1843. Ч. 31. № 87–88; *Потто А.В.*, 1887). Закладная стена с наружной стороны цитадели, следующая ниже фундамента стены цитадели сер. VI в. и относящаяся, судя по архивным материалам, к началу XIX в., также косвенно подтверждает данную дату сооружения подземного прохода.

Следует отметить, что наложение и совмещение планов ям № 4 и № 5, верхние части которых не прослеживались в культурном слое, с планами выше лежащих архитектурных комплексов показывает, что ямы и, следовательно, подземный проход были сооружены до возведения строительных комплексов 1 и 2, относящихся к XIX в., и стены которых перекрывают названные ямы, и после сооружения строительного комплекса 3, часть стены 3(15) которого, очевидно, была разрушена при строительстве подземного прохода, как и часть стены 5(26) нижележащего строительного комплекса 4 (Рис. 7Б). Строительный комплекс 2 уже существовал к 1831 г. (с ним связаны выявленные захоронения шести солдат царского гарнизона, погибших при осаде города в августе 1831 г.), а строительный комплекс 3 был предварительно датирован по своему стратиграфическому положению и комплексу находок XVIII – нач. XIX в. Таким образом, время сооружения ям № 4 и № 5 и связанного с ними подземного прохода приходится на указанный временной диапазон. Учитывая данные нарративных источников о военно-политических событиях в это время, архивные материалы и комплекс археологических данных, мы, таким образом, можем веско отнести сооружение подземного прохода ко времени осады Дербента и его цитадели царскими войсками в первой декаде мая 1796 г.

Кроме вышеописанных ям в сезоне 2011 г. была окончательно исследована внушительных размеров хозяйственная яма № 2 (Рис. 1, 2А), выявленная в 2008 г. и стратиграфически связанная с исследованным тогда *пятым строительным комплексом*, датированным XVI – первой пол. XVII в. Она располагалась в площади помещения 2 у южного угла цитадели, у стыка юго-восточной и юго-западной куртин и, видимо, предназначалась для хранения запасов зерна (судя по этнографическим данным, подобные объемные, глубокие ямы, полностью или частично обложенные камнем, использовались для хранения обмолоченного зерна). Хотя не исключено, что яма имела санитарно-гигиеническое назначение. Она была впущена в нижележащий культурный слой и материк, ее верхняя часть на высоту около 1,6 м была обложена крупными, средними и мелкими бутовыми и частично обработанными камнями, уложенными на глиняном растворе, с подкладкой мелких камней под более крупные для большей устойчивости конструкции. В кладке были использованы и обломки квадратных обожженных кирпичей толщиной 4–5 см и со стороной 20–21 см. Яма имеет в верхней половине (до середины ямы) усеченно-коническую форму, затем несколько сужается и приобретает цилиндрическую форму. Устье ее, оформленное как рваным камнем, так и обработанным плитчатым, имеет овальную форму. Яму накрывала крупная подпрямоугольной формы обработанная плита размером 70x90 см и толщиной 20 см. Верхний диаметр ямы составляет 0,6–0,8 м, нижний – 1,20–1,24 м. Глубина ямы – около 7,6 м. Заполнение ее было весьма однородным и представляло собой темно-серый рыхлый грунт с вкраплениями мелких древесных угольков, а также бутового камня небольших размеров. В нижней части ямы концентрировалось большое количество крупного бутового и частично обработанного камня.

При расчистке нижней части ямы в 2011 г. в ее заполнении были обнаружены 164 фрагмента керамики и немалочисленные индивидуальные находки. Обращает внимание, что количество находок в нижней половине ямы значительно превосходит количество таковых в верхней половине – при расчистке ямы в 2008 и 2010 гг. было обнаружено 90 фрагментов керамики, а в 2011 г. – 164 фрагмента. Также и количество индивидуальных находок из ямы превосходит количество таковых, ранее обнаруженных в ней.

Комплекс керамики из данной ямы носит смешанный характер, и в ее заполнении представлены как изделия предмонгольского времени, так и позднесредневековые. Как

отмечалось, яма стратиграфически связана с пятым строительным комплексом, датированным XVI – первой пол. XVII в. Но обращает внимание, что среди керамического комплекса из ямы, добытого в сезоне 2011 г., представлено немало фрагментов, относящихся к XVII–XVIII вв. (например, керамика с так называемым мраморизованным орнаментом – рис. 9, 1, 2). Возможно, яма была сооружена несколько позднее в уже существовавшем помещении 2 данного строительного комплекса. Показательные позднесредневековые керамические изделия представлены, в частности, следующими:

– фрагмент донца красноглиняной чаши на кольцевом поддоне, покрытого темной росписью в виде центральной 8–лепестковой розетки (сохранилось 5 лепестков) под прозрачной поливой по белому ангобу (Рис. 9, 3);

– фрагмент стенки красноглиняной тарелки с темно-коричневой марганцевой росписью и голубыми подтеками по белому ангобу под прозрачной поливой (Рис. 9, 4);

– фрагмент округлобокой красноглиняной тарелки с Т–образным венчиком, с темно-коричневой марганцевой и голубой росписью по белому ангобу под прозрачной поливой (Рис. 9, 5);

– фрагменты округлобокой бежевоглиняной чаши на кольцевом поддоне с вертикальным бортиком, с концентрической гравировкой в основании бортика по белому ангобу под зеленой поливой (Рис. 9, 6);

– фрагменты сферического тулова и горловины красноглиняного двуручного сосуда с марганцевыми подтеками по белому ангобу под желтой поливой (Рис. 9, 7);

– фрагменты вытянутого яйцевидного тулова красноглиняного кувшина с основанием от ленточной ручки, покрытого бесцветной поливой по непокрытому черепку (Рис. 9, 8);

– серо-коричневый глиняный светильник – *чираг*, верхняя часть которого покрыта прозрачной поливой по непокрытому черепку (Рис. 9, 9);

– фрагменты бежевоглиняной тарелки на кольцевом поддоне с желобчатой поверхностью (ложчатый орнамент), покрытой белым ангобом под темно-зеленой поливой (Рис. 10, 1);

– фрагменты коричневоглиняной тарелки на кольцевом поддоне с широким разложистым венчиком и уступом в месте перехода от венчика к стенкам; внутренняя и частично внешняя поверхность покрыта желтовато-коричневатой поливой по белому ангобу; край венчика не ангобирован; на дне – следы от подставки–*сипаи* (Рис. 10, 2);

– фрагменты коричневоглиняной тарелки на кольцевом поддоне с широким разложистым венчиком и уступом в месте перехода от венчика к стенкам; внутренняя и частично внешняя поверхность покрыта желтовато-коричневатой поливой по белому ангобу; край венчика не ангобирован; на дне – след от подставки–*сипаи* (Рис. 10, 3);

В керамическом комплексе ямы представлены и иранские фаянсовые изделия – фрагменты чаш с черной росписью на голубом фоне и чаш, покрытых сине-голубой росписью на белом фоне, среди которых выделяются обломки двух реконструируемых чаш-пиал (Рис. 9, 10, 11).

Кроме керамической посуды в заполнении ямы найдена серия индивидуальных находок. Это: костяная накладка от рукояти ножа или кинжала с пунсонным орнаментом (Рис. 10, 4), фрагменты железного слабоизогнутого ножа, подковообразный железный предмет, керамический шарик диаметром около 3 см (Рис. 10, 5), керамический диск диаметром 4,5 см (Рис. 10, 6), фрагменты трех стеклянных браслетов зеленого, сине-фиолетового и зеленовато-голубого цвета (Рис. 10, 7–9), венчиков стеклянных сосудов голубого и зеленого цвета (Рис. 10, 10–12), узкого горлышка зеленого стеклянного сосуда с налепным жгутом (Рис. 10, 13), донцев стеклянных сосудов зеленого и беловатого цвета (Рис. 10, 16, 17), стенки стеклянного зеленоватого сосуда с налепным витым валиком (Рис. 10, 14) и стенки стеклянного бокала голубого цвета с орнаментом в виде сот (Рис. 10, 15) сасанидского или арабского времени.

Как отмечалось, в сезоне 2010 г. на раскопе XXIII были выявлены остатки мощной стены, сложенной из сырцового кирпича и глинобита на внушительном каменном основании из бутового камня (Рис. 1, 2). Кирпичи имеют квадратную или подквадратную форму, размеры их выдержаны в пределах 39–42×39–42×9–11 см, но встречаются несколько выходящие из этого стандарта: 36×42×10 см, 38×42×11 см, 43×43×12 см. По своей форме, размерам, структуре они соответствуют кирпичам, которые применялись при строительстве сасанидской фортификации Дербента и городища Торпах-кала сер. V в. (Гаджиев М.С., 2001; Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г., 2008), Гильгильчайской оборонительной стены нач. VI в. (Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., 2004; Aliiev A.A., Aliiev I.N., Gadjiiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M., 2006) и других фортификационных сооружений сасанидского Ирана (Bivar A.D., Fehervary G., 1966; Kiani M.Y., 1982; Nokandeh J., Sauer E., Omrani Rekavandi H., Wilkinson T., Abbasi A.Gh., Schwenninger J.-L., Mahmoudi M., Parker D., Fattahi M., Usher-Wilson L.S., Ershadi M., Ratcliffe J., Gale R., 2006). Массив глинобита с сырцовыми кирпичами (слой 14) и подстилающий его слой бутовых камней (слой 15) был интерпретирован как остатки оборонительной сырцово-глинобитной стены на каменном основании, датированной сер. V в., точнее, учитывая данные письменных источников (Егишэ, хроника города Карка де бет Селох), второй пол. 440–х гг., и связанной с фортификационной деятельностью сасанидского Ирана в правление шаханшаха Йездигерда II (439–457) в связи с гуннской активизацией (см.: Кудрявцев А.А. 1978; 1979; Gadzsijev M.S., 2009). Остатки этой оборонительной стены цитадели ранее были выявлены в раскопе XI у внутренней грани восточной стены цитадели сер. VI в. и в раскопе XIII у внутренней грани юго-восточной стены цитадели в 40 м к СВ от раскопа XXIII (Гаджиев М.С., 1989). В сер. VI в., точнее в 568–569 гг. (Гаджиев М.С., 2006; Гаджиев М.С., Касумова С.Ю., 2006), с наружной стороны ее была сооружена каменная стена цитадели. Подобное явление наблюдалось и вдоль северной городской стены Дербента (Кудрявцев А.А., 1978).

В сезоне 2011 г. руины этой оборонительной сырцово-глинобитной стены были полностью исследованы на раскопе XXIII. На трех участках были открыты остатки наружного панциря каменного основания, на котором и возводилась сырцово-глинобитная стена (Рис. 1, 2, 11А). Панцирь был сложен из крупных бутовых и частично подтесанных плотно и аккуратно уложенных камней на глиняном растворе. Высота этого каменного основания оборонительной стены сер. V в. составляла около 1,6 м. Ее юго-западный край упирается в юго-западную куртину цитадели. Стена отстоит от внутренней грани юго-восточной стены цитадели сер. VI в. на расстоянии от 0,7 м в кв. а–1 (у южного угла цитадели) до 1,94 м в кв. а–6, то есть имеет плавное отклонение. Прослеженная длина стены вдоль юго-восточной куртины составляет около 11,5 м. Основание стены имело слабый наклон (ок. 5°), предназначавшийся, вероятно, для увеличения площади опоры и ликвидации мертвого пространства. Ширина (толщина) стены составляла около 10 м, т.к. ее остатки были прослежены и у северо-западной стенки раскопа в кв. г-4 и д-4. В качестве параллели укажу, что прослеженная толщина сырцовой оборонительной стены Дербента этого же времени, остатки которой сохранились в нижней части города вплотную к каменной северной городской стене сер. VI в., составляла не менее 8,0 м, а оборонительные стены городища Торпах-кала, расположенного в 25 км к югу от Дербента и также относящегося к нач. VI в., имели толщину около 10 м.

Наружная грань каменного основания была покрыта сохранившейся местами штукатуркой толщиной 3–5 см (Рис. 11Б). Она представляла собой плотную вязкую желтую глину с примесью песка (азерб. *сары торпах* – «желтая земля/глина»; раньше эта глина добывалась местным населением в ущелье к западу от цитадели, куда вела тропа *Сары торпах йолу* «Дорога желтой глины», и шла для изготовления хлебопекарных глинобитных печей-тендиров и штукатурки для жилых и хозяйственных помещений).

На одном из вскрытых участков вертикальная плоскость штукатурки плавно переходит в горизонтальную плоскость, создавая, тем самым, своеобразную глинобитную отмостку, которая в кв. а-2 полностью заполняла пространство между оборонительной стеной сер. V в. и оборонительной стеной цитадели сер. VI в., не доходя до последней 10 см (Рис. 1, 11Б). Здесь четко прослеживается прорезавший эту глинобитную отмостку более ранней оборонительной стены край траншеи-ложа под стену цитадели сер. VI в. Толщина описываемой глинобитной отмостки у стены сер. V в. доходит до 7–9 см и, постепенно уменьшаясь, у стены цитадели сер. VI в. составляет 4–5 см. Расстояние между отмосткой и оборонительной стеной сер. VI в. представляет собой зазор между краем траншеи-ложа и вторым снизу рядом панциря внутренней облицовки стены цитадели сер. VI в. Заполнение этого зазора представляет собой серо-коричневатый рыхлый грунт без находок и, очевидно, представляет собой засыпку, осуществленную в ходе строительства оборонительной стены цитадели сер. VI в.

Таким образом, данная глинобитная отмостка фиксирует уровень древней поверхности, соответствующий времени строительства и начального этапа функционирования оборонительной стеной сер. V в. Слои ниже ее (*слой 17*), сохранившийся на этом участке и являющийся предматериковым, соответствует периоду, предшествующему сооружению оборонительной стеной в сер. V в., точнее, во второй пол. 440-х гг. н.э. Слои выше отмостки (*слой 16*), также сохранившийся здесь и следующий до уровня зафиксированной щебеночными прослойками дневной поверхности времени строительства цитадели Дербента сер. VI в. (568–569 гг.), хронологически приходится на интервал между этими датами, т.е. датируется в диапазоне кон. 440-х – кон. 560-х гг. Это один из редких случаев, когда мы имеем возможность определения абсолютной хронологии культурных напластований Дербента.

При расчистке забутовки оборонительной стены сер. V в. было обнаружено несколько десятков фрагмента керамической посуды, относящейся ко времени не ранее ее строительства. Среди показательных обломков выделю:

- фрагмент венчика с внешним валиком под ним красноглиняного кувшина (Рис. 12, 1);
- фрагмент овальной в сечении ручки и узкого горла с невыделенным венчиком красноглиняного кувшина (ойнохой?) с остатками слабого белого ангобного покрытия (Рис. 12, 2);
- фрагмент овальной в сечении ручки красноглиняного широкогорлого кувшина (Рис. 12, 3);
- фрагмент невыделенного утонченного венчика сероглиняного котла с примесью толченой ракушки в тесте (Рис. 12, 4);
- фрагмент плечика и основания горла коричневоглиняного крупного кувшина с врезным многорядным волнистым пояском;
- фрагменты стенок и отогнутого, чуть утолщенного венчика с пальцевыми вдавлениями по краю широкого горла красноглиняного тарного сосуда с двусторонней сплошной штриховкой тулова многозубым гребнем (Рис. 12, 5).
- фрагмент плечика тарного красноглиняного сосуда с врезным многорядным линейно-волнистым пояском (Рис. 12, 6).

Особый интерес представляет находка в кв. г-4 в массиве глинобита оборонительной стены сер. V в. обломка гагатого браслета с внутренним диаметром около 8 см (Рис. 6, 22). Это весьма редкая находка. В качестве параллели укажу на гагатый составной браслет, украшенный золотыми перегородчатыми поясками с драгоценными камнями, из богатой гробницы № 25 кон. III – нач. IV в. Мцхетского некрополя, браслет из каменного саркофага № 7 Армазисхеви этого же времени и гагатый браслет из коллекции Хюстона в Музее Сан-Антонио (*Николаишвили В.*, 2011. С. 181–184. Табл. 2, 1, 2). Отмечу, что фрагмент гагатого браслета из Дербента хронологически близок указанным браслетам из Восточной Грузии (Картли/Иберии). В соседнем кв. д-4 в слое

над остатками сырцово-глинобитной стены помимо обломков керамической посуды (Рис. 6, 1–13), относящейся к VIII–X вв., были найдены фрагменты венчика стеклянного зеленого сосуда с косым рифлением (Рис. 6, 16), вогнутых донцев стеклянных сосудов зеленоватого цвета (Рис. 6, 17, 18), стеклянного флакончика зеленого цвета с высокой узкой горловиной и кубовидным корпусом (Рис. 6, 19), стеклянных браслетов фиолетового цвета (Рис. 6, 20–22), каменные пест (Рис. 6, 24) и пяточный камень.

Таким образом, в ходе работ на раскопе XXIII еще раз документировано наличие сырцово-глинобитной фортификации на каменном основании, предшествовавшей каменной фортификации Дербента, возведенной в 568–569 гг. в правление шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) против нового сильного соперника в лице Тюркского каганата, и подтверждено, что каменная цитадель Дербента повторила очертания сырцовой фортификации цитадели сер. V в. Вместе с тем, сохранность сырцовой стены на раскопе XXIII показывает, как это было установлено в сезоне 2010 г., что в период VIII–IX вв. она была в значительной степени скрыта, очевидно, во время крупных строительных работ, развернувшихся в арабский период.

В позднесасанидский период (втор. пол. VI – сер. VII в.), после строительства каменного оборонительного комплекса, сырцовая стена не была разобрана. На это может указывать, в частности, тот факт, что вход в угловую южную башню цитадели сер. VI в. расположен на значительной высоте от дневной поверхности середины VI в., и при этом не сохранилось никаких строительных конструкций или их следов, указывающих на вероятность существования высокого лестничного марша в эту стратегически важную башню, через которую осуществлялся выход на парапет цитадели и на Горную стену, начинавшуюся от данной угловой башни. Обращу внимание, что при строительстве северной городской стены с внешней (наружной) стороны существовавшей сырцовой оборонительной стены, закрывавшей проход между морем и горами, последняя также не была разобрана (по крайней мере, на определенном участке) и ее остатки до сих пор существуют в нижней части города (на территории военной части Дербентского погранотряда). По всей видимости, в обоих случаях сырцовые стены цитадели и города, примыкавшие к каменной фортификации, на определенных участках продолжали использоваться, например, в качестве лестничных маршей для подъема на каменные стены.

Как отмечалось, в ходе работ на раскопе были зафиксированы отдельные, не потревоженные описанными выше ямами, перекопами или строительными остатками участки культурного слоя времени функционирования оборонительной стены цитадели сер. V в. (слой 16) и периода, предшествовавшего ее сооружению (слой 17).

Слой 16, толщиной до 0,8–0,85 м, представлявший темно-серый средней плотности однородный грунт (суглинок), зафиксирован на нескольких участках, в том числе, над отмосткой сырцово-глинобитной оборонительной стены, относящейся к 440–м гг. Этот слой, как отмечалось, датируется периодом между кон. 440–х гг. и кон. 560–х гг., т.е. обнимает около 120 лет. Он ограничен снизу указанной глинобитной отмосткой, а сверху уровнем дневной поверхности, соответствующим времени строительства цитадели в конце 560-х гг. и фиксируемым соответствующими строительными щебеночными прослойками, образовавшимися в ходе строительства стены цитадели в 568–569 гг. Из слоя 16 происходят фрагменты немалочисленной керамической посуды. Среди наиболее показательных это:

- фрагмент невыделенного утонченного венчика коричневоолощенной чашечки (Рис. 12, 7);
- фрагмент чернолощенной реберчатой миски с вогнутым бортиком и заостренным отогнутым венчиком (Рис. 12, 8);
- фрагменты стенок высококачественных красноглиняных кувшинов с одинарными врезными волнистыми линиями, опоясывающими плечики сосуда;
- фрагмент стенки красно-коричневого сосуда, покрытого пальцевыми вдавлениями (Рис. 12, 9);

- фрагмент стенки коричневоглиняного сосуда с двумя круглыми налепами в виде «пуговок» на плечике (Рис. 12, 10);
- фрагмент венчика серо-коричневого сосуда с отогнутым краем, с наружной обмазкой жидкой глиной и с М-образным налипным валиком типа букрания, со следами копоти (Рис. 12, 11);
- фрагмент стенки столового коричневоглиняного сосуда с точечным елочным пояском (Рис. 12, 12);
- фрагменты стенок тарных красноглиняных сосудов со сплошной штриховкой с обеих сторон;
- фрагмент стенки столового коричневоглиняного кувшина с многорядным волнистым пояском;
- фрагмент широкой ленточной ручки кувшина с бежево-коричневым тестом и лощеным красно-коричневым ангобным покрытием;
- фрагменты горловин крупных красноглиняных кувшинов с ленточными ручками (Рис. 12, 13, 14);
- фрагмент утолщенного отогнутого венчика с насечками по краю широкогорлого сероглиняного тарного сосуда (Рис. 12, 15).

Из этого же комплекса происходят фрагменты стенок столовых высококачественных красноглиняных сосудов, изготовленных на быстровращающемся круге, красноглиняных тарных сосудов, в том числе, со сплошной штриховкой тулова, столовых чернолощенных сосудов, коричневоглиняных кухонных сосудов. Здесь наблюдается сочетание керамики, характерной для албано-сарматского времени (чернолощенная посуда и особенно показательная реберчатая миска, характерная для первых веков н.э. – рис. 12, 8) и для сасанидского периода (столовая красно- и коричневоглиняная высококачественная, красноангобированная, тарная штрихованная керамика). Архаичным выглядит обломок горшка с глиняной обмазкой и налипным букранием (Рис. 12, 11), который может относиться и к эпохе бронзы, и к албано-сарматскому времени.

Предматериковый *слой 17* толщиной до 0,70 м представлял собой темно-серый рыхлый, насыщенный древесными угольками грунт. Он зафиксирован как под вышеупомянутой глинобитной отмошкой, примыкая к каменному основанию сырцово-глинобитной оборонительной стены, которая была частично впущена в слой, так и собственно под каменным основанием стены (под стеной толщина слоя достигает до 0,35–0,60 м). Время завершения отложения этого слоя, как указывалось, определяется временем строительства названной стены, т.е. концом 440-х гг. Показательные фрагменты керамики из слоя 17 представляют собой, с одной стороны, обломки характерной серо- и чернолощенной посуды (Рис. 12, 16–19), типичной для албано-сарматского времени, а, с другой, фрагменты красноангобированной керамики (Рис. 12, 20, 21), появляющейся в первых вв. н.э. и характерной для III–V вв. н.э., а также обломки коричневоглиняной лощеной посуды и качественной красно- и коричневоглиняной керамики (Рис. 12, 22, 24). Такой характер керамического комплекса и его стратиграфическое положение позволяют датировать слой 17 в пределах от первых вв. н.э. и вплоть до сер. V в.

В завершении статьи следует указать, что в ходе работ на раскопе XXIII были получены некоторые данные по оборонительной архитектуре цитадели Дербента сер. VI в. Было установлено, что, как и на других участках при возведении каменной фортификации первоначально сооружались вырытые в нижележащем культурном слое и материковом грунте относительно неглубокие (до 1,0 м) траншеи–ложа, по ширине немногим большие, чем проектируемая толщина стен. Зазор между возведенной стеной и гранью траншеи–ложа плотно заполнялся грунтом и щебеночной массой, представлявшей собой отходы от обработки облицовочных плит панцирной кладки стен. В условиях неровного рельефа эти ложа–траншеи имели ступенчатый характер высотой в один ряд укладываемых фундаментных блоков (около 45–60 см), создавая

эскарпированные горизонтальные площадки для нижних рядов стен. Нижние два-три ряда кладки имели выступы шириной от 3–5 до 10–15 см, выходя за грань вышележащих рядов кладки и, тем самым, увеличивая площадь опоры и конструктивную устойчивость стен.

На отдельных блоках кладки зафиксированы следы орудий труда мастеров-каменотесов, представлявшие собой тесловидные орудия с шириной рабочей грани 5-6 см. Подобное железное тесло длиной 11,5 см, но с шириной лезвия 7,5 см, было обнаружено в 1985 г. при исследованиях в цитадели на раскопе XIII в слое, связанном со строительством цитадели сер. VI в. (*Гаджиев М.С.*, 1989. С. 71–72. Рис. 6, 11). На блоках внутреннего панциря стены цитадели здесь зафиксированы знаки мастеров-строителей нескольких типов, находящие аналоги среди знаков строителей Дербентского оборонительного комплекса сер. VI в. (*Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A.*, 2001; *Гаджиев М.С.*, 2010; *Gadžiev M.S.* 2010). Весьма важно, что на раскопе XXIII они были зафиксированы и на блоках фундамента и цоколя, что подтверждает характер данных символов, как знаков строителей.

После завершения работ по согласованию с руководством Дербентского государственного музея-заповедника раскоп XXIII был засыпан отвальным грунтом, а территория этой части цитадели рекультивирована.

В результате проведенных на раскопе XXIII в 2004–2011 гг. исследований были получены важные данные для изучения исторической топографии цитадели Дербента средневекового и нового времени. В ходе работ выявлены стратиграфия и историческая топография данной территории цитадели, культурные напластования, обнимающие почти два тысячелетия – от первых веков н.э. до XX в., семь архитектурных комплексов, охватывающих диапазон от V в. н.э. до XX в.

В результате проведенных работ получен богатый вещевой и, особенно, керамический материал, среди которого своим представительством выделяется комплекс керамики позднесредневекового времени, который позволит в будущем исследовать одну из важных отраслей ремесленного производства Дербента, до настоящего времени неизученную. Богатая коллекция средневековой глазурованной керамики даст возможность осветить вопросы художественного ремесла. Немалый интерес представляют образцы средневековой иранской фаянсовой посуды, отражающей направление торговых связей города.

Важным результатом проведенных на раскопе XXIII работ явилось обнаружение остатков сырцово-глинобитной на каменном основании оборонительной стены сер. V в., предшествовавшей знаменитым каменным укреплениям Дербента. Остатки этой стены цитадели показывают, что каменная фортификация цитадели Дербента, возведенная в 568–569 гг., повторила, в целом, очертания цитадели V в., сохранив преемственность в ее планировке. Получены интересные материалы и по фортификации цитадели середины VI в.

Наконец, работы на раскопе XXIII подтвердили отсутствие на территории цитадели Дербента слоев последних веков до н.э. и, тем более, скифского и предскифского времени.

ЛИТЕРАТУРА

Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.–Магнитогорск, 2004. С. 441–465.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. – 1278 с.

Гаджиев М.С. Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени (по материалам раскопов Р–XI и Р–XIII) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 61–76.

Гаджиев М.С. Городище Торпах-кала // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001. С. 32–40.

Гаджиев М.С. Работы Дербентской археологической экспедиции // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 1. Махачкала, 2005. С. 159–161.

Гаджиев М.С. Исследования Дербентской экспедиции // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 4. Махачкала, 2005а. С. 108–109.

Гаджиев М.С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 1. Махачкала, 2006. С. 77–94.

Гаджиев М.С. К выделению и интерпретации зороастрийских символов в знаковой системе Дербента середины VI века // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25–27 июня 2009 г. Тбилиси, 2010. С. 104–110.

Гаджиев М.С. Раскопки в Дербенте в 2009 г. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 1. Махачкала, 2011. С. 77–100.

Гаджиев М.С. Раскопки в Дербенте в 2010 г. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 3. Махачкала, 2011а. С. 11–129.

Гаджиев М.С., Бакушев М.А. Захоронения солдат российского гарнизона 1831 г. в цитадели Дербента // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 4. Махачкала, 2006. С. 71–78.

Гаджиев М.С., Бакушев М.А., Будайчиев А.Л. Археологические раскопки в цитадели Дербента в 2006 г. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 3. Махачкала, 2006. С. 155–156.

Гаджиев М.С., Гамидов А.К. Археологические исследования в Дербенте в 2007 г. // Вестник Института ИИАЭ ДНЦ РАН. № 4. Махачкала, 2007. С. 114–127.

Гаджиев М.С., Гамидов А.К., Будайчиев А.Л., Абиев А.К. Раскопки в Дербенте в 2008г. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 2. Махачкала, 2009. С. 124–134.

Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М., 2006. – 128 с.

Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г. Торпах-кала – Куро-аракское поселение и Сасанидское городище в Южном Дагестане // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сб. к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева. М., 2008. С. 276–297.

Кудрявцев А.А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. 1978. № 3. С. 243–257.

Кудрявцев А.А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // ВИ. 1979. № 11. С. 31–43.

Николашвили В. Погребения позднеантичной эпохи с христианским обрядом захоронения на территории Мцхеты Великой // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси – Гори – Батуми, 27-30 сентября 2010 г. Тбилиси, 2011. С. 181–184.

Потто А.В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и воспоминаниях. В 5 тт. Т. I. СПб., 1887 – 740 с.

Радожницкий И. Историческое известие о походе российских войск в 1796 г. в Дагестане под командою графа Валериана Зубова // Отечественные записки. Ч. XXXI. 1843. С. 127–168, 266–314.

План и описание осады Дербента // РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1970.

Aliiev A.A., Aliiev I.N., Gadjiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M. The Ghilghilchay Long Defensive Wall: New Investigations // Ancient East and West. Vol. 5. No. 1–2. 2006. P. 143–177.

Bivar .AD., Fehervary G. The Walls of Tammisha // Iran, 1966. Vol. IV. P. 35–50.

Gadjiev M.S. On Interpretation of Derbent's Mason Marks // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. Ed. by J. Evans Pim; S.A. Yatsenko and O. Perrin. London; Dover, 2010. P. 147–178.

Gadzsijev M.S. Hunok és türkök támadásai és a Szaszanidák erdítési tevékenysége a Kelet-Kaukázusban // A Hunok öröksege. Szerkesztette: L. Maráczy, B. Obrusánszky. Budapest, 2009. P. 239–264.

Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. in Darband // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 33. Berlin, 2001.

Kiani M.Y. Parthian sites in Hyrcania: the Gorgan Plain. (Archäologische Mitteilungen aus Iran. Ergänzungband 9). Berlin, 1982. S. 357–390.

Nokandeh J., Sauer E., Omrani Rekavandi H., Wilkinson T., Abbasi A.Gh., Schwenninger J.-L., Mahmoudi M., Parker D., Fattahi M., Usher-Wilson L.S., Ershadi M., Ratcliffe J., Gale R. Linear barriers of northern Iran: the great wall of Gorgan and the wall of Tammishe // Iran, 2006. Vol. XLIV. P. 121–173.

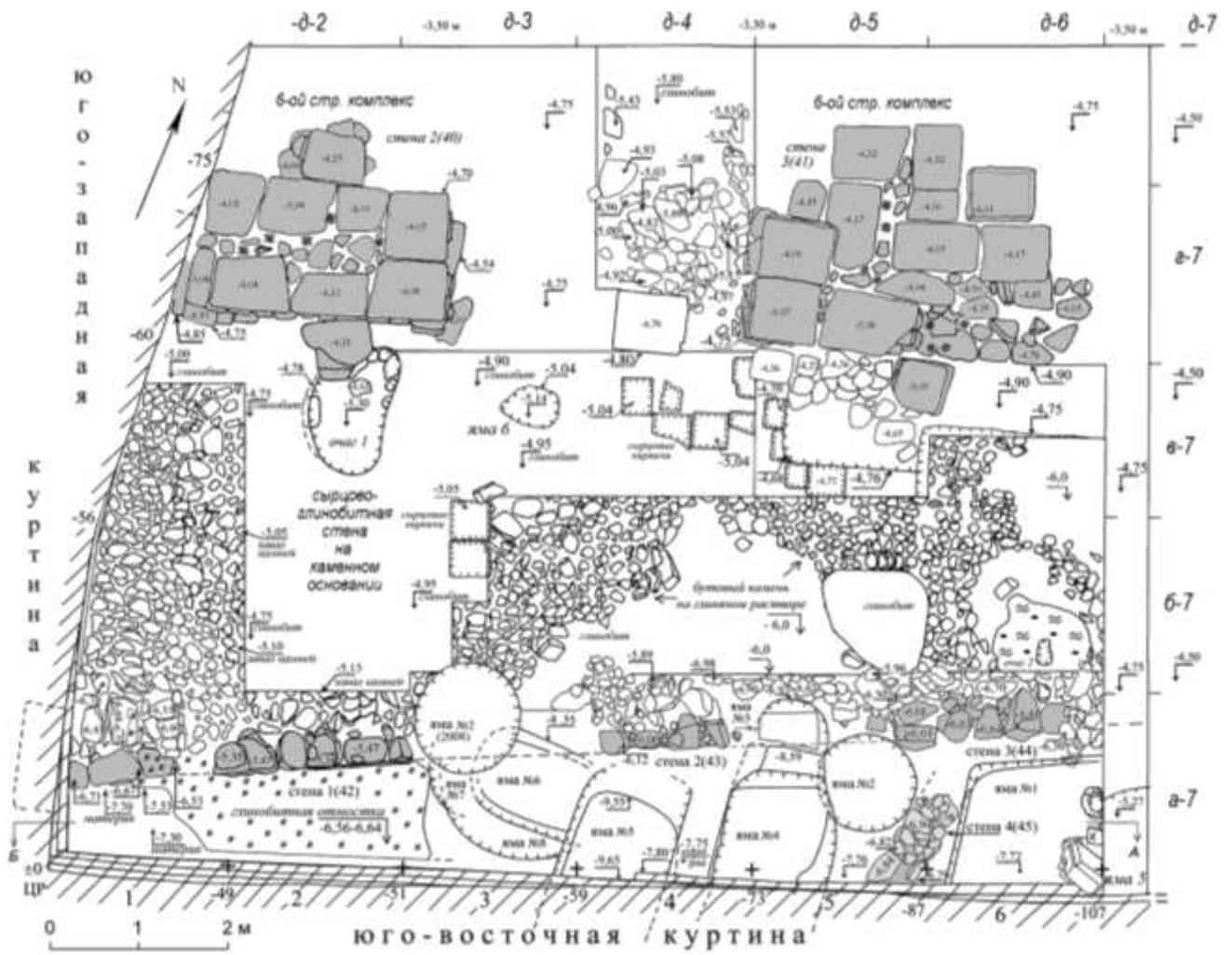

Рис. 1. Раскоп XXIII. Послойный план 11.

A

Б

Рис. 2. Раскоп XXIII. Общий вид: А – с ЮВ, Б – с ЮЮЗ.

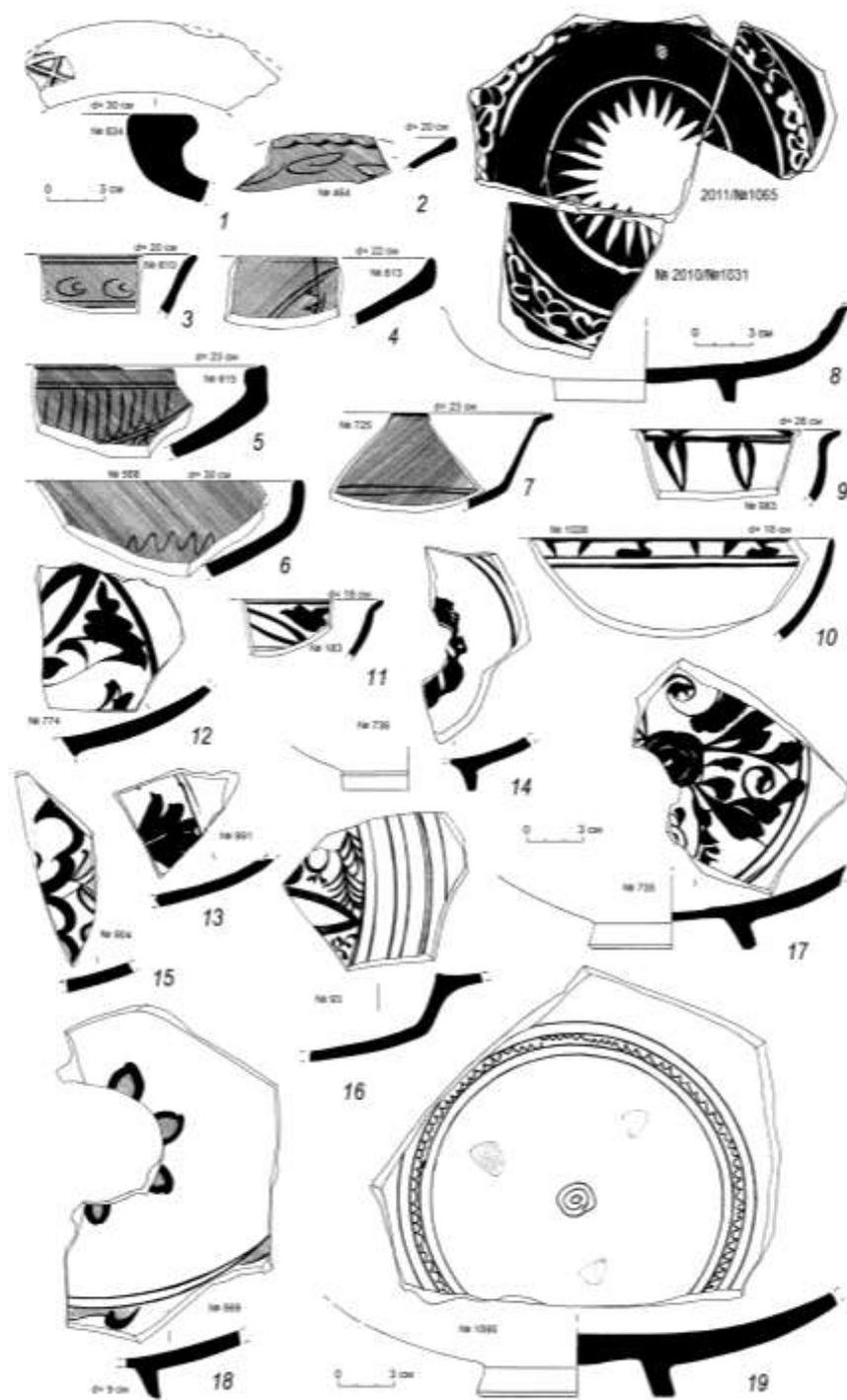

Рис. 3. Раскоп XXIII. Фрагменты керамической посуды из слоя 13.

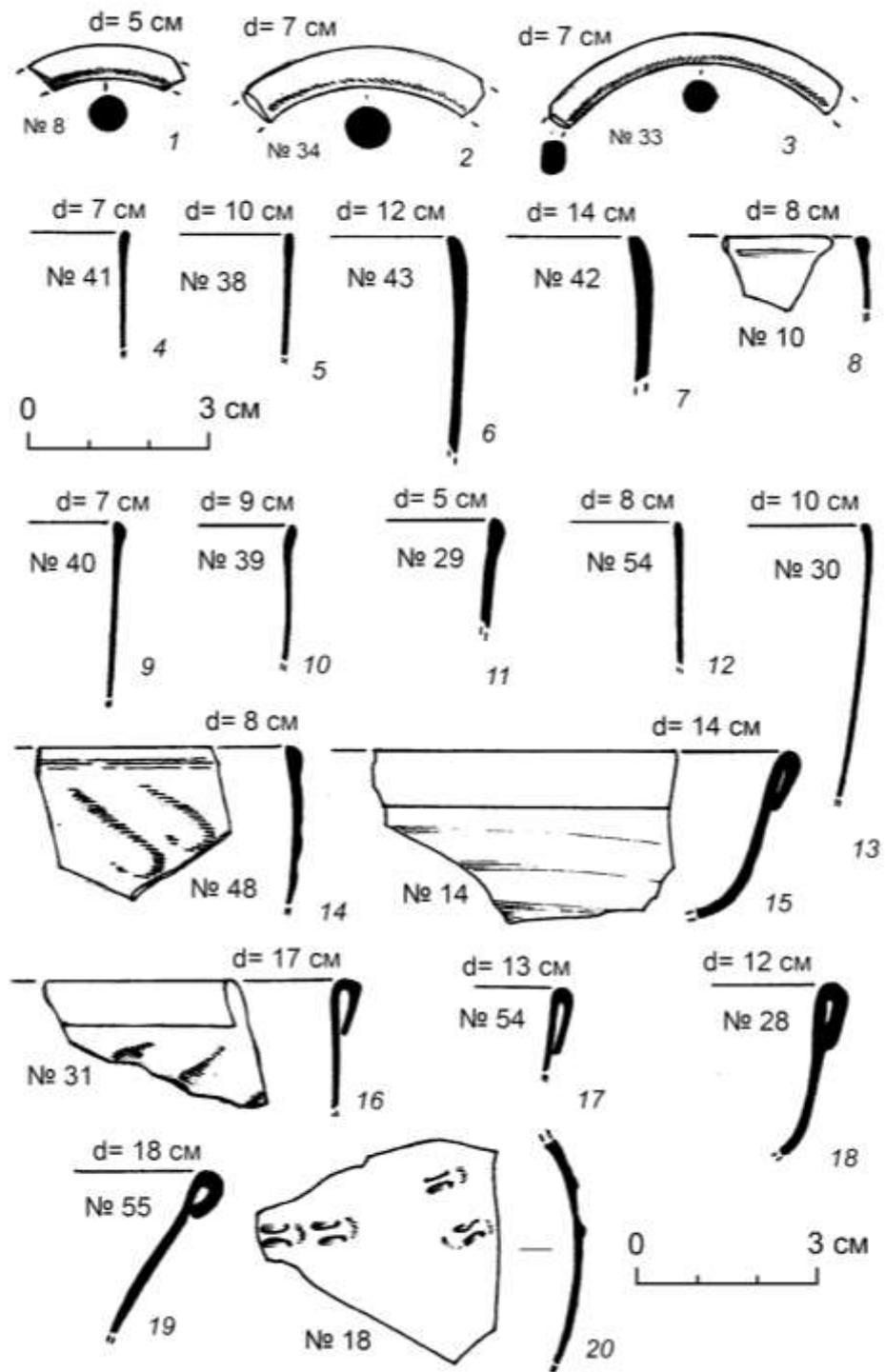

Рис. 4. Раскоп XXIII. Фрагменты стеклянных изделий из слоя 13.

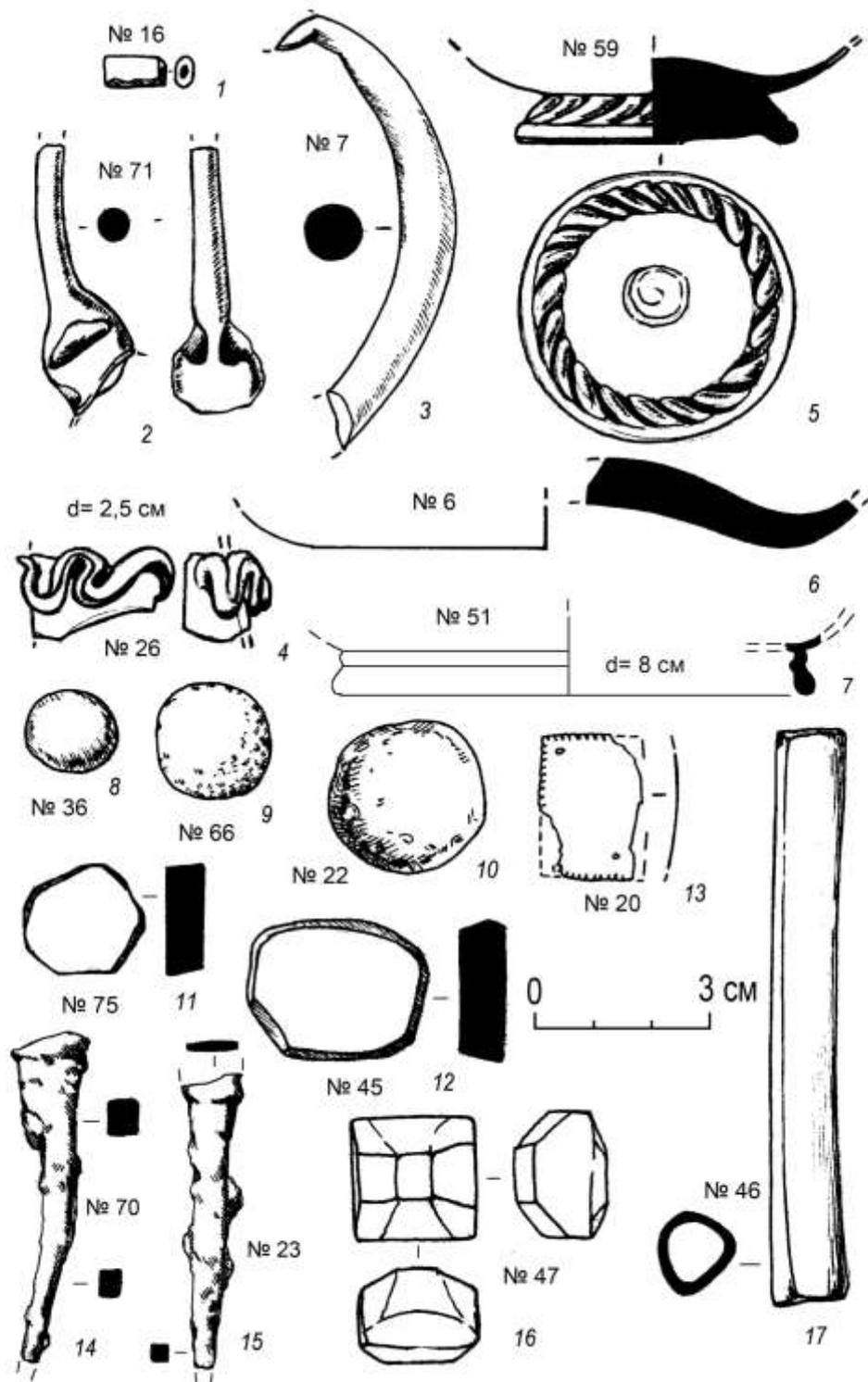

Рис. 5. Раскоп XXIII. Индивидуальные находки из нижней части слоя 13.
 1 – паста, 2-7 – стекло, 8-12 – керамика, 13 – медь, 14,15 – железо,
 16 – горный хрусталь, 17 – кость.

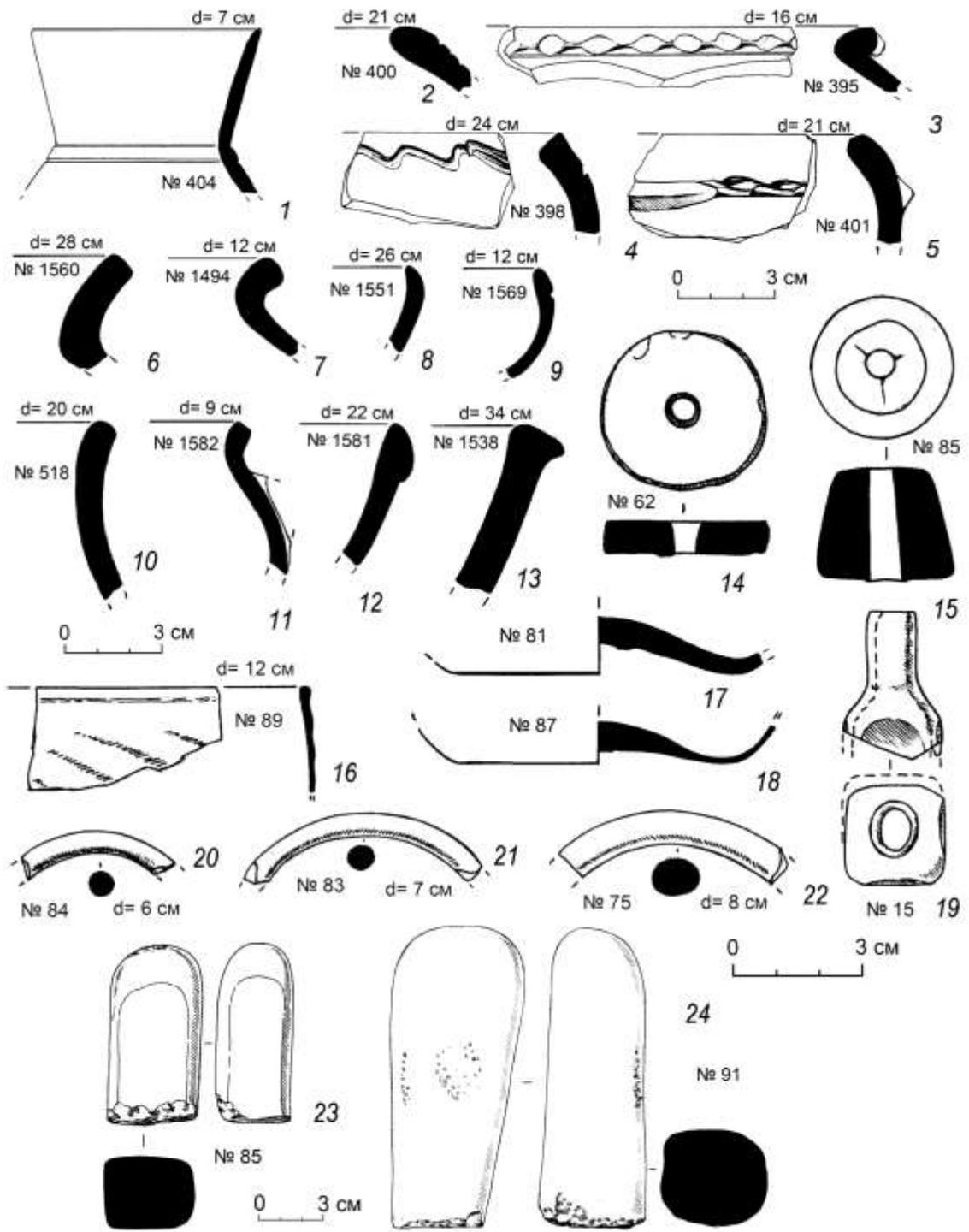

Рис. 6. Раскоп XXIII. Фрагменты керамики и индивидуальные находки из кв. г-4, д-4 (1-13, 16-22, 24) и ямы № 8 (14, 15, 23). 1-15 – керамика, 16-21 – стекло, 22 – гагат, 23, 24 – камень.

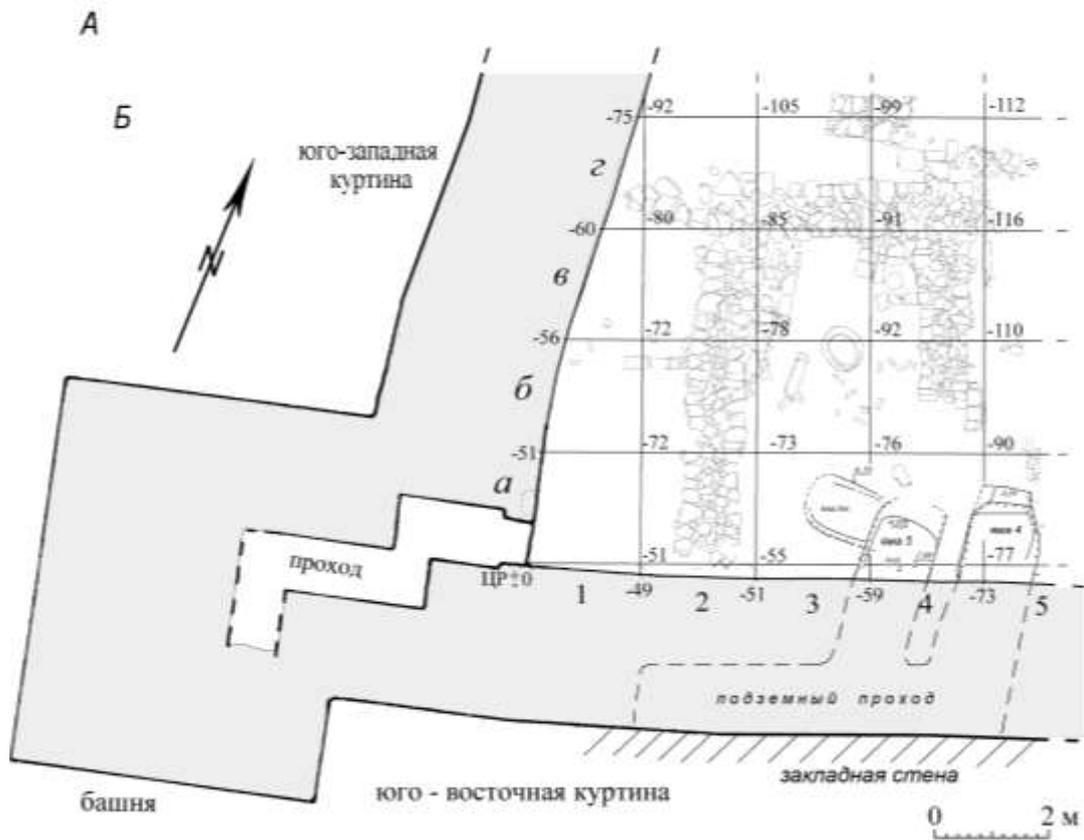
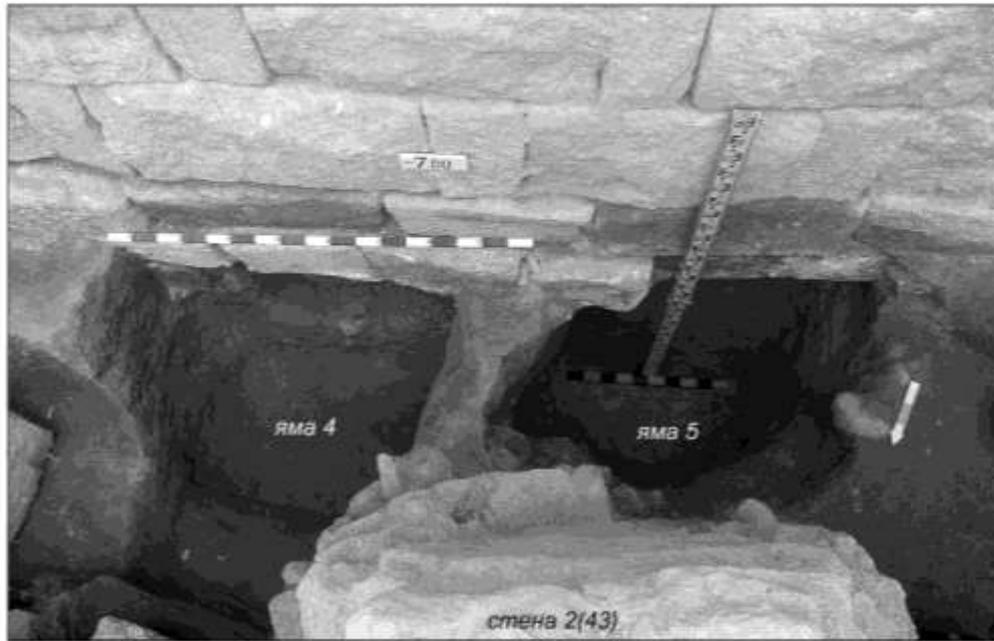

Рис. 7. Раскоп XXIII. Ямы № 4 и № 5 (А; вид с ССЗ сверху) и план участка раскопа с обозначением ям № 4 и № 5 и подземного хода под оборонительной стеной цитадели сер. VI в. (Б).

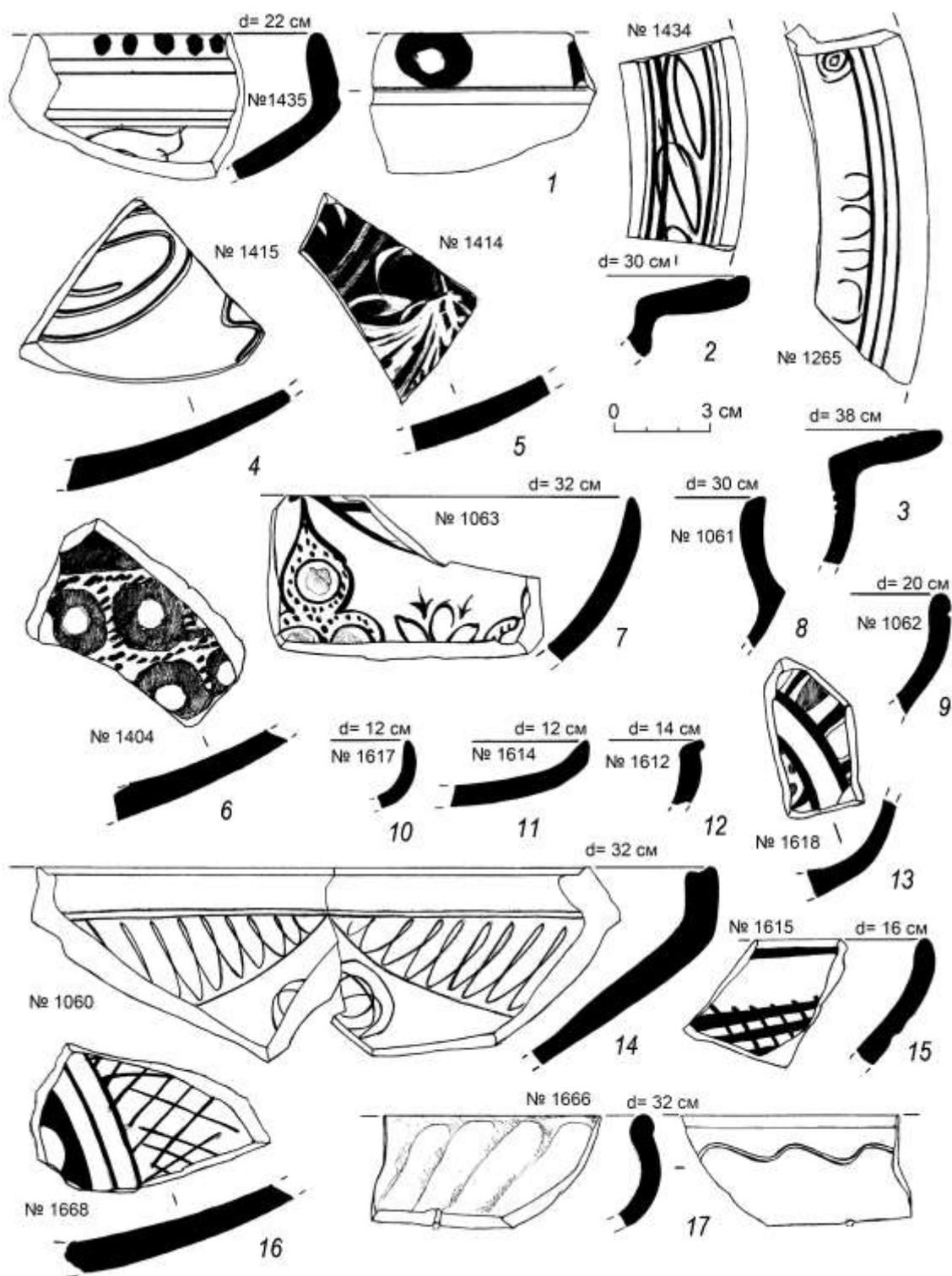

Рис. 8. Раскоп XXIII. Фрагменты поливной керамики из каменного завала и ям № 4 (1-6) и № 5 (7-17).

Рис. 9. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма № 2 (2008 г.).
 Глазурованная керамика (1-9) и фаянсовые чаши (10, 11).

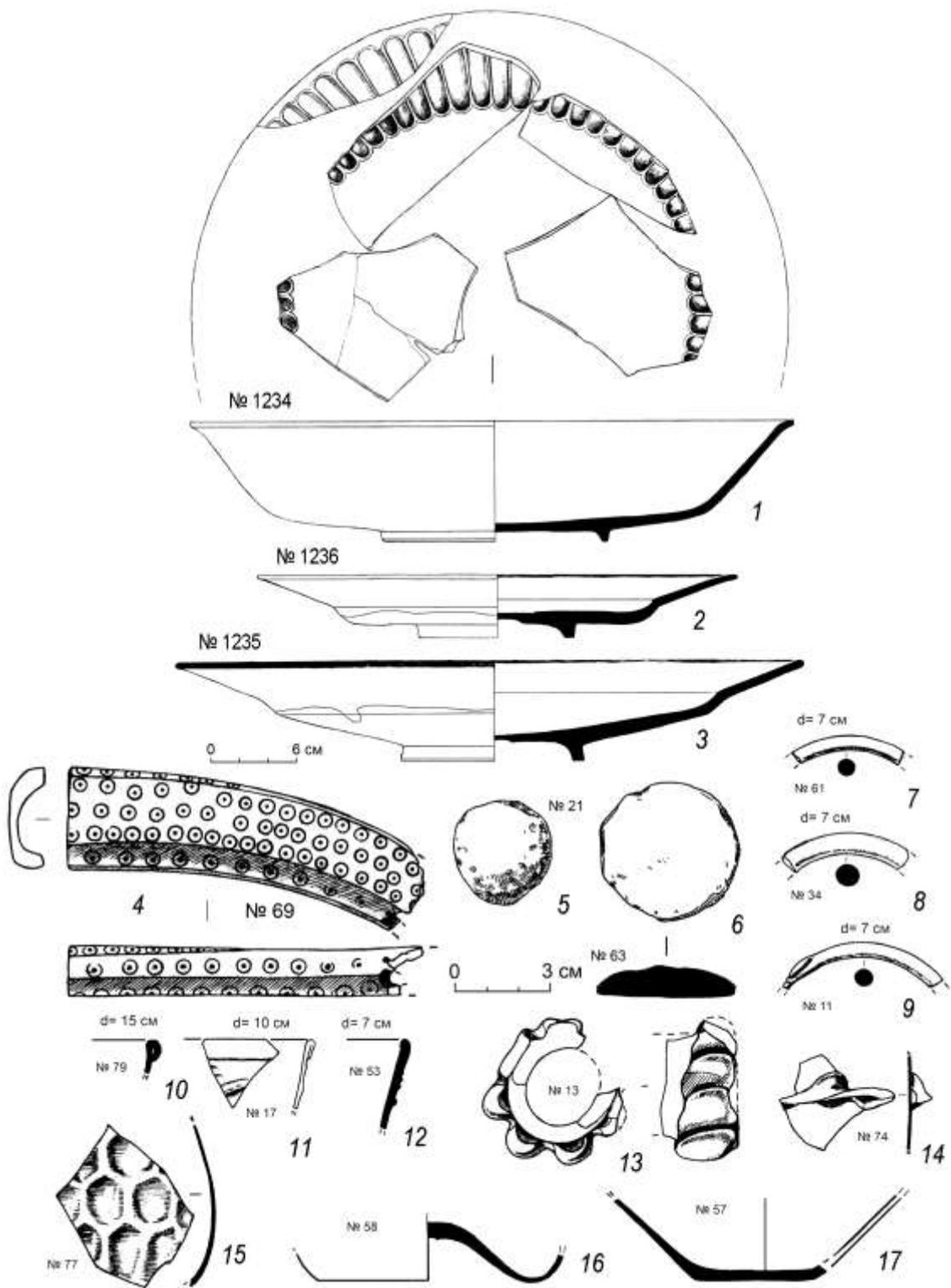

Рис. 10. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма № 2 (2008 г.). Глазурованные тарелки (1-3) и индивидуальные находки (4-17). 1-3,5,6 – керамика, 4 – кость, 7-17 – стекло.

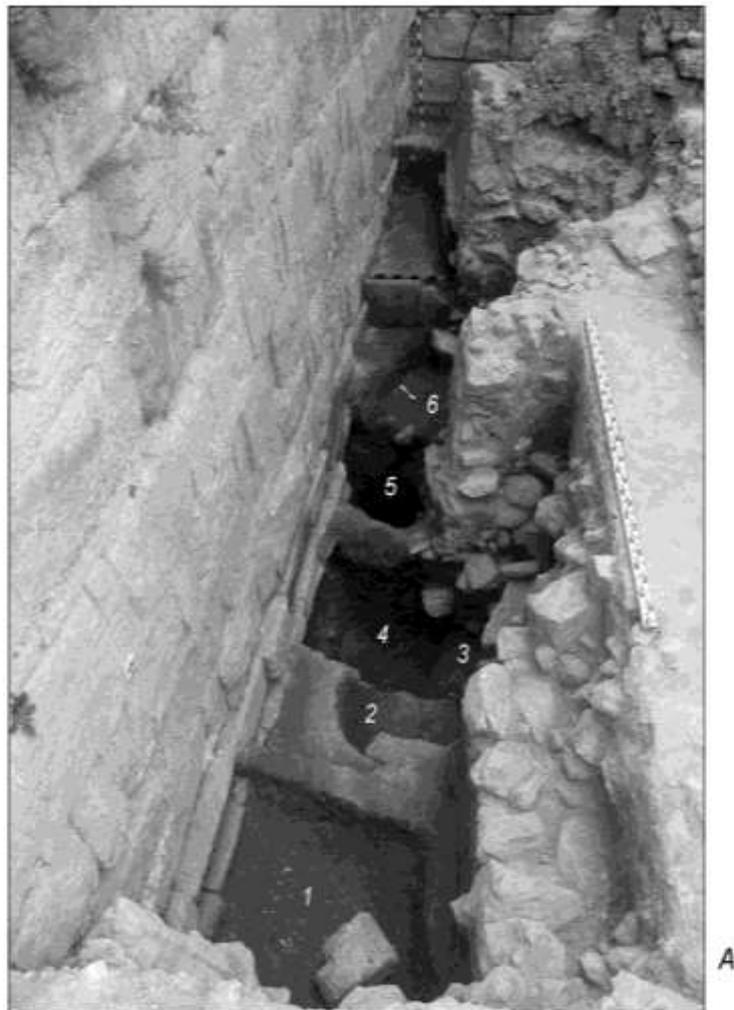

Рис. 11. Раскоп XXIII. Остатки наружного панциря каменного основания оборонительной стены V в. (А) и глинобитные штукатурка и отмостка (Б) одного из участков стены.

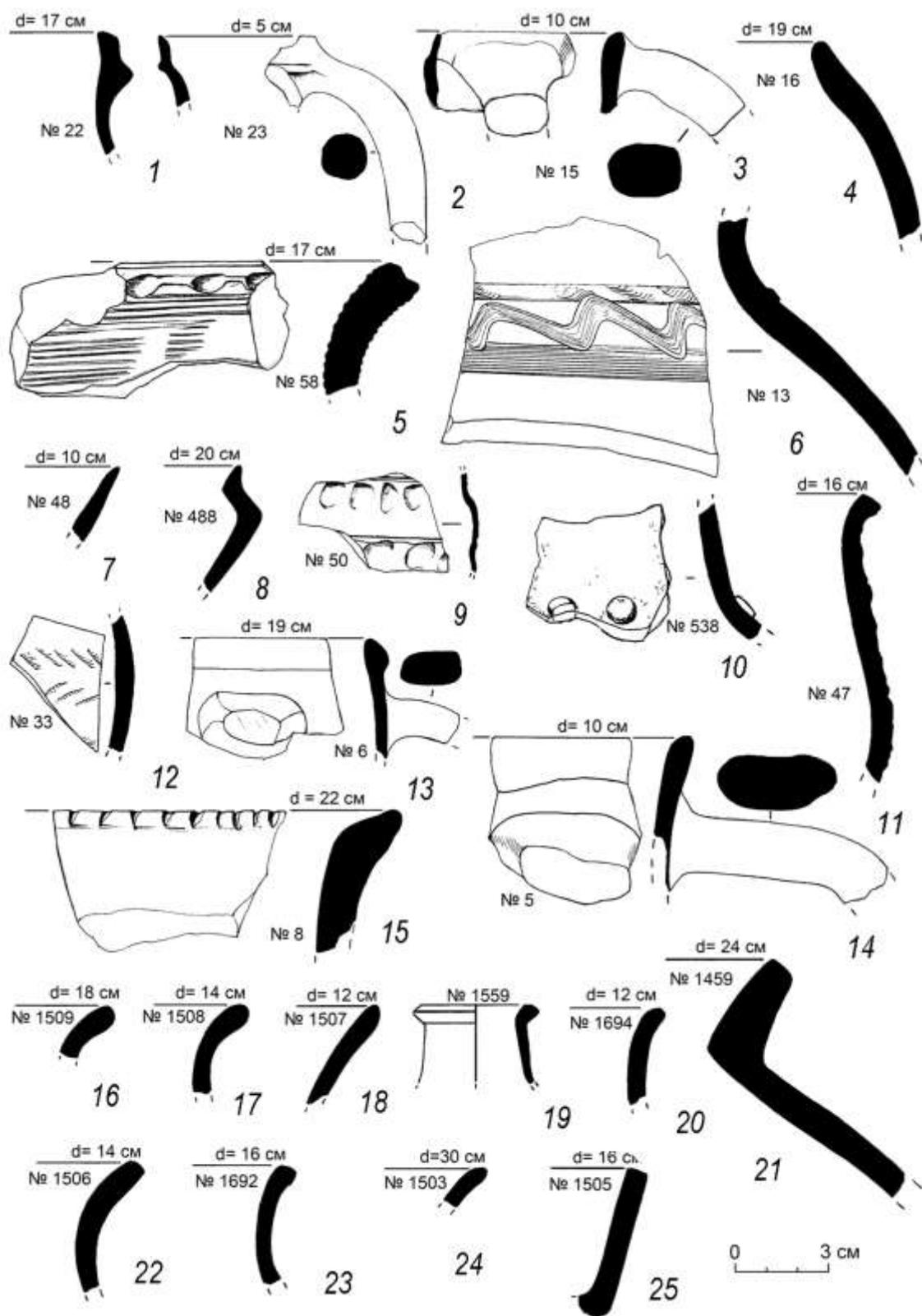

Рис. 12. Раскоп XXIII. Фрагменты керамических изделий из забутовки оборонительной стены V в. (1-6), слоя 16 (7-15) и слоя 17 (16-25).